

Россия на пути к углеродной нейтральности: формирование правовых рамок

Наталья Владимировна Данилова

Тюменский государственный университет, Тюмень, Россия
Контакт для переписки: n.v.danilova@utmn.ru

Аннотация. Принципиальные договоренности мирового сообщества по охране климата закреплены в Рамочной конвенции ООН по изменению климата 1992 г. и принятых в ее развитие протоколах и соглашениях. Россия, будучи участником международных климатических соглашений, определила свой национальный вклад к 2030 г. как снижение до 70% выбросов от уровня 1990 г. Цель достижения углеродной нейтральности к 2060 г. официально зафиксирована в Климатической доктрине РФ 2023 г. В настоящий период происходит активное формирование национального климатического законодательства. Целью настоящего исследования является оценка состояния развития климатического законодательства Российской Федерации на современном этапе, выделение ключевых правовых институтов, необходимых и достаточных для достижения указанной выше цели, определение факторов, влияющих на конфигурацию новой отрасли законодательства. Проведенный в работе анализ имеющихся норм российского климатического законодательства, их сопоставление с международно-правовыми требованиями позволяет увидеть, что правовые рамки деятельности по охране климата в России созданы. Подготовлены условия для реализации климатических проектов, в рамках Сахалинского эксперимента отрабатывается административная система квотирования, запущена торговля квотами на выбросы парниковых газов. Вместе с тем ряд важнейших вопросов пока остался вне правового регулирования. Так, не определены целевые показатели сокращения выбросов парниковых газов для отраслей экономики, не проработан порядок квотирования выбросов парниковых газов для отдельных организаций-эмитентов. Перспективным направлением развития российского климатического законодательства является регулирование деятельности по адаптации к изменениям климата. К настоящему моменту органы государственной власти разработали и приняли федеральные и отраслевые планы адаптации к изменениям климата, однако правовое регулирование деятельности по их реализации отсутствует.

Ключевые слова: охрана климата, климатическое право, выбросы парниковых газов, система торговли выбросами, Киотский протокол, Парижское соглашение, адаптация к изменениям климата, квоты

Благодарности: исследование выполнено при поддержке Министерства науки и высшего образования Российской Федерации в рамках проекта «Тюменский карбоновый полигон» (FEWZ-2024-0016).

Цитирование: Данилова Н. В. 2024. Россия на пути к углеродной нейтральности: формирование правовых рамок // Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования. Том 10. № 4 (40). С. 110–130. <https://doi.org/10.21684/2411-7897-2024-10-4-110-130>

Поступила 25.09.2024; одобрена 13.11.2024; принята 13.11.2024

Russia on its path to carbon neutrality: forming a legal framework

Natalia V. Danilova✉

University of Tyumen, Tyumen, Russia

Corresponding author: n.v.danilova@utmn.ru✉

Abstract. The fundamental agreements of the global community on climate protection are enshrined in the UN Framework Convention on Climate Change of 1992, as well as the protocols and agreements adopted in its development. Part of international climate agreements, Russia has defined its national contribution for 2030 as a reduction of emissions to 70% as of the 1990 level. The goal of achieving carbon neutrality by 2060 is officially recorded in the Climate Doctrine of the Russian Federation of 2023. Currently, the national climate legislation is being actively formed. This study aims to assess the current development state of the Russian climate legislation; to identify the key legal institutions necessary and sufficient for achieving the above goal; and to determine the factors influencing the configuration of the new legislative branch. The analysis of the present Russian climate legislation norms and their comparison with international legal requirements proves the creation of the legal framework for climate protection activities in Russia. Conditions have been provided for the implementation of climate projects, an administrative quota system is being tested within the Sakhalin experiment, and trading in greenhouse gas emission quotas has been launched. Meanwhile, a number of key issues have not yet been legally regulated. Thus, target indicators for reducing greenhouse gas emissions for economic sectors have not been defined, and the procedure for setting greenhouse

gas emission quotas for individual emitting organizations has not been developed. A promising area for the development of Russian climate legislation is the regulation of activities to adapt to climate change. To date, government agencies have developed and adopted federal and sectoral plans for adaptation to climate change, but there is no legal regulation of activities to implement them.

Keywords: climate protection, climate law, greenhouse gas emissions, emissions trading system, Kyoto Protocol, Paris Agreement, adaptation to climate change, quotas

Acknowledgements: this study was supported by the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation within the framework of the Carbon Measurement Test Area in the Tyumen Region (FEWZ-2024-0016).

Citation: Danilova, N. V. (2024). Russia on its path to carbon neutrality: forming a legal framework. *Tyumen State University Herald. Social, Economic, and Law Research*, 10(4), 110–130. <https://doi.org/10.21684/2411-7897-2024-10-4-110-130>

Received Sept. 25, 2024; Reviewed Nov. 13, 2024; Accepted Nov. 13, 2024

Введение

Проблема глобального потепления признана мировым сообществом, в чем немалую роль сыграли доклады Межправительственной группы экспертов по изменению климата ООН (далее — МГЭИК). В последнем, Шестом оценочном докладе МГЭИК, опубликованном в 2021 г., вновь подтверждается вывод о нарастании глобального потепления [Пёртнер и др., 2023]. 2023 г. стал рекордно теплым за всю историю наблюдений, средняя глобальная приземная температура на 1,45 °C (с погрешностью $\pm 0,12$ °C) превысила доиндустриальный базовый уровень¹. Долгосрочные наблюдения российской гидрометеорологической службы подтверждают актуальность данной проблемы и для территории Российской Федерации. Научные выводы ученых-климатологов стали основой формирования международной и национальных правовых систем правовой охраны климата от изменений. Принципиальные договоренности государств по охране климата закреплены в Рамочной конвенции ООН по изменению климата 1992 г.² (далее — Рамочная конвенция, Конвенция) и принятых в ее развитие протоколах и соглашениях. Несмотря на кризис международной системы безопасности и международного права в целом, который мы наблюдаем в настоящий момент, РФ остается членом международного сообщества и участницей международно-правовых климатических соглашений, а значит, должна выполнять взятые на себя обязательства.

¹ Доклад Всемирной метеорологической организации «Состояние глобального климата в 2023 году». 2023. <https://wmo.int/publication-series/state-of-global-climate-2023> (дата обращения: 17.05.2024).

² Рамочная конвенция Организации Объединенных Наций об изменении климата (заключена в г. Нью-Йорке 09.05.1992) // Собрание законодательства РФ. 1996 . № 46. Ст. 5204.

В связи с этим актуальным становится вопрос формирования в России собственного национального климатического законодательства. Каким оно будет? Будет ли оно развиваться на основе международных механизмов или пойдет своим путем? Ответ на этот вопрос невозможен без понимания механизмов и уже имеющихся итогов развития международного права в области охраны климата.

Анализ международных наукометрических баз данных показывает, что правовые исследования в области охраны климата ведутся более двух десятилетий. Для целей настоящего исследования интерес представляют работы, посвященные изучению политического фона международного сотрудничества в рассматриваемой области [Lancos, 2010; Carlson, 2012; Cho, 2014; Mejean и др., 2015]. Изменение подходов в международной политике в посткиотский период отражены в работах [Carlson, 2012; Cho, 2014; Hourcade и др., 2015; Mejean и др., 2015; McGee, Steffek, 2016]. Анализ положений Парижского соглашения посвящены работы [Yeh, Lin, 2018; Das и др., 2019; Mehling, 2019].

В русскоязычном сегменте юридической науки также имеется значительное число работ, посвященных анализу международных климатических соглашений [Копылов, 2016; Быковский, 2017 и др.; Гарафова, 2018; Сидорова, 2018; Солнцев, 2018; Ковалев, 2020; Полонский, Пекарникова, 2021; Путилина, 2021; Салия, 2021], нововведений Парижского соглашения, его влияния на политику России [Колязин, 2017; Дубовик, Аверина, 2018] и проблемы имплементации его норм в российское законодательство [Гарафова, 2017; Трифонова, 2020; Матвеева, 2020]. Единичные работы посвящены обзору законодательного регулирования зарубежных систем торговли выбросами [Троицкая, 2016; Додонов, 2016; Ван, Ли, 2017]. Вопрос о необходимости создания правовой основы для развития углеродного рынка в России ставится в работах [Ситников, 2016; Башмаков, 2018], однако детального раскрытия данная тема не получила. Среди исследований, содержащих оценку формирующегося климатического права России, можно выделить [Леонова, 2022, 2024; Гершинкова, Матненко, 2023].

Опираясь на указанные выше исследования, в рамках данной работы проведем оценку состояния развития климатического законодательства РФ на современном этапе. Поскольку ключевым фактором, задающим конфигурацию новой отрасли российского законодательства, являются международно-правовые требования в области охраны климата, в первой части работы рассмотрим основные механизмы, предложенные в Рамочной конвенции, Киотском протоколе и Парижском соглашении. Вторая часть работы будет посвящена анализу климатической политики РФ в период первого этапа действия Киотского протокола. Именно в этот период начинает формироваться нормативно-правовая и методическая основа национального климатического регулирования. В третьей части статьи будет проанализирован современный этап развития климатического права России.

Международно-правовые соглашения в области охраны климата

Рамочная конвенция впервые ввела в международное право такие понятия, как «неблагоприятные последствия изменения климата», «изменение климата», «выбросы», «парниковые газы», «региональная организация экономической интеграции», «накопитель»,

«поглотитель» и «источник». Была закреплена конечная цель международного сотрудничества в области охраны климата — добиться стабилизации концентраций парниковых газов в атмосфере на таком уровне, который не допускал бы опасного антропогенного воздействия на климатическую систему. Такой уровень должен быть достигнут в сроки, достаточные для естественной адаптации экосистем к изменению климата, позволяющие не ставить под угрозу производство продовольствия и обеспечивающие дальнейшее экономическое развитие на устойчивой основе. Данная цель интегрирует в себе как экологические, так и экономические требования мирового сообщества.

Статья 3 Конвенции определила основные принципы, среди которых дифференциация ответственности развитых и развивающихся стран; превентивность мер по борьбе с изменением климата при наличии такой возможности; право на устойчивое развитие и необходимость международного сотрудничества.

Обязательства Сторон были установлены дифференцированно: для развитых стран прописаны дополнительные условия, которые необязательны для развивающихся стран, однако любая Сторона может заявить о выполнении данных требований.

11 декабря 1997 г. к Конвенции был принят Киотский протокол, который определил перечень парниковых газов, подлежащих сокращению. К ним были отнесены: диоксид углерода (CO_2), метан (CH_4), закись азота (N_2O), гидрофторуглероды (ГФУ), перфторуглероды (ПФУ) и гексафторид серы (SF_6)¹.

Киотский протокол установил обязательства Сторон по сокращению выбросов парниковых газов минимум на 5% в период с 2008 по 2012 г. (первый период действия Протокола) по сравнению с уровнем 1990 г. Конкретные процентные показатели для отдельных стран определялись Приложением В к Протоколу. Так, большинство стран Европы взяли на себя обязательство уменьшить выбросы до 29% от уровня 1990 г., США — до 39%, Польша, Венгрия, Япония и Канада — до 49%, Хорватия — до 59%. Процентный показатель Норвегии, Австралии и Исландии превысил 100%, но не более 110. Россия была отнесена к группе стран, которые обязались сохранить выбросы на уровне 1990 г.

Киотский протокол предусмотрел три основных направления деятельности Сторон по достижению целей сокращения выбросов парниковых газов: введение административно-фискальных мер, развитие международного сотрудничества, применение рыночных («гибких») механизмов.

Административно-фискальные меры определены пп. «а» п. 1 ст. 2 Протокола. Они включают рекомендации по выработке политического курса в сфере энергоэффективности, качества накопителей парниковых газов, сельского хозяйства, транспорта и иные. Также они затрагивают сферу налогообложения, предлагая снижение или освобождение от уплаты налогов, сущность которых противоречит целям Протокола.

Международное сотрудничество включает в себя обмен информацией о принятых мерах и распространении своего положительного опыта. Оно должно способствовать

¹ Киотский протокол к Рамочной конвенции Организации Объединенных Наций об изменении климата. Подписан в г. Киото 11.12.1997 (с изм. от 08.12.2012) // Собрание законодательства РФ. 2005. № 10. Ст. 764.

повышению эффективности предпринимаемых государствами мер, а также формированию единообразия в их применении с целью увеличения сопоставимости и транспарентности (пп. «b» п. 1 ст. 2).

Ключевую роль как Рамочная конвенция, так и Киотский протокол отвели рыночным («гибким») механизмам, которые призваны способствовать странам или компаниям решать задачи низкоуглеродного развития и снижать выбросы парниковых газов с наименьшими издержками. Эти механизмы основаны на том, что парниковые газы не являются загрязняющими веществами, прямо влияющими на здоровье людей и природу (в типичных для атмосферы концентрациях), а парниковый эффект — глобальное явление, не зависящее от места выброса, но зависящее от их суммарного объема [Кокорин и др., 2015]. К таким механизмам относятся: торговля квотами на выбросы парниковых газов (emission trading) и компенсационные климатические проекты и программы, направленные на сокращение выбросов парниковых газов или их депонирование в экосистемах (carbon offset projects and programmes).

Для введения торговли эмиссиями необходимо было искусственно (нормативно) ограничить объемы выбросов для государств, а внутри государств, уже на основе национального законодательства, — для компаний в виде квот. Система квотирования на национальном уровне включает в себя:

- определение государством целевых показателей снижения выбросов парниковых газов;
- определение секторов экономики и видов парниковых газов, охватываемых квотированием;
- установление верхних пределов на общий объем выбросов в одном или нескольких секторах экономики (при этом ограничения должны быть установлены заранее и со временем сокращаться — это обеспечивает долгосрочную рыночную перспективу и поддерживает компании в планировании их деятельности и инвестиций);
- выдачу компаниям разрешений на выбросы с указанием количества углеродных единиц (измеряемых в тоннах CO₂-экв). Разрешения внутри государств могут распределяться бесплатно (на основе исторического уровня выбросов или базовых показателей) или посредством продажи на аукционе.

Разрешения позволяют субъектам выбрасывать определенное количество парниковых газов за определенный период времени. Неиспользованные субъектами углеродные единицы могут продаваться на специальных биржах. Таким образом формируются международные, национальные и региональные углеродные рынки и системы торговли выбросами (emission trade systems, ETS). К 2019 г. в мире было создано 31 ETS, подпадающих под действие 41 юрисдикции и охватывающих 22% мировых объемов выбросов парниковых газов¹.

¹ World Bank. 2020. State and Trends of Carbon Pricing. Washington, DC. <https://openknowledge.worldbank.org/handle/10986/13334> (дата обращения: 20.08.2023).

Считается, что, предоставляя возможность торговать такими единицами, ETS создает рынок, на котором альтернативные издержки выбросов определяются силами спроса и предложения, что приводит к установлению четкой цены на углерод. Это обеспечивает гибкость в соблюдении требований за счет децентрализации принятия решений о том, где и когда сокращать выбросы парниковых газов, и стимулирует борьбу с выбросами там, где это дешевле всего. Снижая затраты, с которыми сталкиваются субъекты, на которые распространяется действие программы, на каждую тонну выбросов, этот подход помогает достичь целей климатической политики с наименьшими общими затратами [Fischer, Newell, 2008].

Также к «гибким» механизмам можно отнести климатические проекты (проектные механизмы), предусмотренные ст. 4 Протокола. Киотский протокол предусматривал два таких механизма: механизмы чистого развития и проекты совместного осуществления. В рамках этих механизмов реализация проекта осуществляется в одной стране за счет средств другой страны. Результатом реализации проекта должно быть сокращение выбросов парниковых газов либо увеличение поглотительной способности экосистем. Полученные за счет этого углеродные единицы поступают либо стране, финансирующей проект, либо стране, его реализующей, двойной зачет исключен. Дополнительным бонусом реализации таких проектов является обмен технологиями, что имеет большое значение для развивающихся стран.

Следует отметить, что проектные механизмы Киотского протокола дали толчок к развитию целого ряда альтернативных международных, региональных и национальных стандартов и программ, на основе которых реализуются климатические проекты и формируются т. н. добровольные углеродные рынки. Обзор таких проектов и программ представлен в работе [Юлкин и др., 2013].

Первоначально рыночные экономические механизмы были с энтузиазмом восприняты мировым сообществом. Однако на практике эта система столкнулась с рядом проблем. Во-первых, различные виды углеродных единиц должны были быть эквивалентны друг другу, однако на практике разные страны по-разному оценивали углеродные единицы. Во-вторых, многие страны перевыполнили свои обязательства в силу экономического кризиса, когда резко упал уровень производства. Это привело к тому, что предложение углеродных единиц на международном рынке очень сильно превысило спрос. В таких условиях любая страна могла выйти за пределы установленных лимитов за счет приобретения свободных квот при наличии финансовых возможностей. В-третьих, государствам не удалось достигнуть общей позиции относительно переноса свободных квот на второй период действия Протокола. В-четвертых, торговля выбросами не лишена уязвимостей в виде проблемы т. н. «утечки углерода» (carbon leakage effects), когда снижение выбросов в развитых странах достигается за счет вывода производств в развивающиеся страны [Winter, 2010].

Спорным остается вопрос, насколько данные механизмы способствуют сокращению выбросов парниковых газов. С методологической точки зрения, это непростая задача, т. к. причины и эффекты каких-либо изменений сложно вычленивать из сложноструктурированных отношений, а также легко упустить воздействие каких-либо

параллельных факторов. Исследователи отмечают, что применение инструментария Киотского протокола в среднем замедлило рост выбросов, однако показатели Испании, Португалии, Греции, Ирландии, Австрии, Финляндии и Италии в целом этой тенденции не соответствуют, то есть механизмы Киотского протокола не смогли существенно повлиять на ситуацию в данных странах [Skjaereth, Wettestad, 2008]. Данные статистики по энергетике и промышленности в целом позволяют сделать вывод о том, что «гибкие» механизмы практически не оказали никакого воздействия на регистрируемое снижение выбросов [Boyd, 2023].

Вместе с тем Киотский протокол, будучи первым глобальным международным документом в области охраны климата, продемонстрировал принципиальную возможность международного сотрудничества в этой сфере [Васильева, 2019]. И в этом состоит его уникальность и ценность: он явился первым шагом на длинном пути решения глобальной климатической проблемы.

Новый этап в развитии международного климатического права начался с принятием Парижского соглашения 2015 г., пришедшего на смену Киотскому протоколу. Соглашение установило глобальную климатическую цель стран-участниц на период до 2050 г. — удержание прироста глобальной средней температуры намного ниже 2 °С сверх доиндустриальных уровней и приложения усилий в целях ограничения роста температуры до 1,5 °С.

В отличие от Киотского протокола, Парижское соглашение не устанавливает жестких квот для государств. Взамен оно предлагает им для достижения указанной общей цели принять на себя добровольные обязательства, именуемые «определяемые на национальном уровне вклады» (далее — ОНУВ). Парижское соглашение предлагает государствам в своих ОНУВ указывать целевые показатели сокращения выбросов парниковых газов, обязательства по принятию мер по адаптации к последствиям изменения климата, порядок достижения целевых показателей, механизмы мониторинга и проверки. Данные показатели и пути их достижения определяются государствами самостоятельно, исходя из собственных экономических, социальных и экологических целей. Требуется обновление ОНУВ каждые пять лет.

Добровольный характер обязательств сторон ставит вопрос об их правовой природе. Как верно указывает Д. И. Гафарова, юридические обязательства сторон Парижского соглашения в основном носят процессуальный характер и касаются усилий и вкладов, а не достижения конкретных результатов [Гафарова, 2018]. Однако именно такая «гибридная» форма Парижского соглашения, по мнению И. А. Макарова и И. А. Степанова, позволила его подписать. Новый международный климатический режим авторы характеризуют как полицентрический, поскольку «международные институты теряют в нем доминирующую роль, уступая ее множеству акторов более низкого уровня: государствам, субнациональным единицам (регионам, муниципалитетам), компаниям, неправительственным организациям» [Макаров, Степанов, 2018]. Второй важнейший результат Парижского соглашения видится в достижении консенсуса мирового сообщества по поводу необходимости перевода мировой экономики на путь низкоуглеродного развития [Макаров, Степанов, 2018].

Взамен механизмов чистого развития и проектов совместного осуществления Соглашение предусматривает новый инструмент — механизм устойчивого развития, в котором могут участвовать любые страны независимо от уровня экономического развития. Условия участия в них не изменились, ими по-прежнему являются добровольность, необходимость одобрения проекта, невозможность двойного учета единиц снижения выбросов.

Важнейшей задачей государств, помимо сокращения выбросов, Парижское соглашение признает также адаптацию к изменениям климата. А. О. Кокорин считает это главным идеологическим результатом нового документа. Автор отмечает, что в 2010–2014 гг. финансирование мер адаптации в развивающихся странах по различным международным каналам выросло с 4,5 до 25 млрд долл. в год, а до 2030 г. прогнозируется рост ежегодных расходов до 140 млрд. Если выбросы парниковых газов не будут сильно снижаться, то во второй половине века на адаптацию потребуется до 500 и более млрд долл. в год. Альтернатива — невозможность проживания людей на больших территориях Африки и Азии и переселение десятков, а возможно, и сотен миллионов человек. В соглашении также появилась норма о компенсационном механизме, предусматривающем возмещение ущерба от тех последствий климатических изменений, к которым невозможно адаптироваться [Кокорин, 2017].

Климатическая политика РФ в период действия Киотского протокола и ее отражение в законодательстве

Российская Федерация является участницей Рамочной конвенции с 1994 г. Что касается Киотского протокола, то наша страна ратифицировала его только в 2004 г. «после тщательного анализа всех факторов, в т. ч. с учетом значения Протокола для развития международного сотрудничества, а также с учетом того, что Протокол вступит в силу только при условии участия в нем Российской Федерации»¹. Именно ратификация Россией Киотского протокола дала ему «право на жизнь», ведь одним из условий его действия являлся суммарный уровень выбросов углекислого газа ратифицировавшими его странами в размере 55% от общего количества выбросов государств, указанных в Приложении 1. В 2002 г. из Киотского протокола вышли Соединенные Штаты Америки, что ставило под большой вопрос саму возможность его действия. Совокупный уровень выбросов составлял 44,2%, выбросы же России — 17,4%.

Российские ученые и политики расходились в позициях относительно того, необходимо ли ратифицировать Протокол. Одни приводили данные о том, что при продаже значительного количества квот страна сможет обеспечить модернизацию своей экономики, другие же настаивали на том, что ограничения неизбежно приведут к экономическому

¹ О ратификации Киотского протокола к Рамочной конвенции Организации Объединенных Наций об изменении климата: Федеральный закон от 04.11.2004 № 128-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2004. № 45. Ст. 4378.

спаду, а уровень выбросов парниковых газов превысит уровень 1990 г., что повлечет колоссальные штрафы для страны. В научной среде превалировал скептический взгляд на достоверность выводов об антропогенных причинах изменения климата [Ashe, Poberezhskaya, 2022].

Для России условия Киотского протокола нельзя назвать выгодными, несмотря на то, что она обязалась лишь не превышать уровня выбросов 1990 г., ведь на момент подписания уровень развития ресурсосберегающих технологий был очень низок, а для модернизации экономики требовались колоссальные инвестиции. Более того, документом никак не учитывался гигантский лесной массив, расположенный на территории нашей страны, который является эффективным «поглотителем» парниковых газов. Решение ратифицировать Протокол не в последнюю очередь имело политическую подоплеку, т. к. позволяло России вступить во Всемирную торговую организацию, и в итоге Киотский протокол был ратифицирован.

Ратификация Киотского протокола подтолкнула государство к официальной фиксации своей климатической политики. В Концепции долгосрочного социально-экономического развития РФ до 2020 г.¹ в качестве одного из вызовов для развития был назван фактор изменения климата. Участие в решении проблемы глобальных климатических изменений, а также обеспечение потребностей населения в водных ресурсах с учетом ожидаемых изменений от глобального потепления обозначены как приоритет развития, для Арктической зоны подчеркнута необходимость адаптация объектов инфраструктуры к изменениям климата.

В 2009 г. была подготовлена и утверждена Климатическая доктрина РФ², определившая цели, принципы, задачи и меры государственной политики в этой сфере. Доктрина признавала изменение климата как междисциплинарную проблему. Подчеркивалось, что эффективная политика в области климата призвана стать важным фактором и катализатором динамичной технологической модернизации всей экономики страны, укрепления ее позиций в мировом экономическом сообществе, повышения конкурентоспособности в первую очередь за счет энергоэффективности. Для реализации Доктрины был утвержден Комплексный план на период до 2020 г. Специальные меры по квотированию выбросов парниковых газов и введению национальной системы торговли квотами в качестве необходимых механизмов охраны климата от изменений не предусматривались и не предпринимались. Тем не менее свои обязательства по Киотскому протоколу — не превысить в среднем в 2008–2012 гг. уровень выбросов парниковых газов базового 1990 г. — Россия даже перевыполнила: в связи с экономическим спадом выбросы парниковых газов к концу 2012 г. уменьшились на 41%.

¹ О Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года: Распоряжение Правительства РФ от 17.11.2008 № 1662-р // Собрание законодательства РФ. 2008. № 47. Ст. 5489.

² О Климатической доктрине Российской Федерации: Распоряжение Президента РФ от 17.12.2009 № 861-рп // Собрание законодательства РФ. 2009. № 51. Ст. 6305.

Одним из обязательств сторон Рамочной конвенции, а позднее и Киотского протокола стало представление информации о выбросах парниковых газов, оказывающих негативное влияние на климат, и абсорбции их поглотителями. Для их выполнения в этот период была создана российская система оценки антропогенных выбросов из источников и абсорбции поглотителями парниковых газов, функции по сбору необходимой информации были возложены на Федеральную службу по мониторингу и гидрометеорологии России. Были приняты соответствующие подзаконные нормативные правовые акты¹.

Еще одним направлением нормотворчества в это период стало регулирование реализации климатических проектов. Согласно своему статусу по Киотскому протоколу, Россия, как страна с переходной экономикой, могла участвовать в реализации проектов совместного осуществления. Были установлены критерии отбора проектов, создан реестр углеродных единиц и определен его оператор². Необходимо отметить, что российские компании достаточно активно включились в этот процесс. В общей сложности за период 2008–2012 гг. было инициировано 156 проектов, из них утверждено Минэкономразвития России 108 [Леонова, 2024]. По данным Российского реестра углеродных единиц на 21.02.2013, по итогам реализации указанных проектов было выпущено 238 433 081 УЕ, или 238 433 081 тонн CO₂-экв³.

¹ Об утверждении Порядка централизованного учета документов о выбросах и стоках парниковых газов и результатов климатических проектов, снижающих антропогенные выбросы или увеличивающих стоки парниковых газов субъектами хозяйственной деятельности, осуществляющими свою деятельность на территории Российской Федерации: Приказ Росгидромета от 23.03.2001 № 40 // Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти. 2001. № 23; О создании российской системы оценки антропогенных выбросов из источников и абсорбции поглотителями парниковых газов, не регулируемых Монреальским протоколом по веществам, разрушающим озоновый слой, принятым в г. Монреале 16 сентября 1987 г.: Распоряжение Правительства РФ от 01.03.2006 № 278-р // СПС «КонсультантПлюс»; Об утверждении Порядка формирования и функционирования российской системы оценки антропогенных выбросов из источников и абсорбции поглотителями парниковых газов: Приказ Росгидромета от 30.06.2006 № 141 // Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти. 2006. № 43.

² О мерах по реализации статьи 6 Киотского протокола к Рамочной конвенции ООН об изменении климата: Постановление Правительства РФ от 28.10.2009 № 843 // Собрание законодательства РФ. 2009. № 44. Ст. 5240; Об утверждении правил конкурсного отбора заявок, подаваемых в целях утверждения проектов, осуществляемых в соответствии со статьей 6 Киотского протокола к Рамочной конвенции ООН об изменении климата: Приказ Минэкономразвития РФ от 23.11.2009 № 485 // Российская газета. № 51. 12 марта 2010 г.; Об утверждении порядка ведения реестра проектов, осуществляемых в соответствии со статьей 6 Киотского протокола к Рамочной конвенции ООН об изменении климата: Приказ Минэкономразвития РФ от 30.07.2010 № 352 // Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти. 2010. № 39; Об утверждении Порядка формирования и ведения российского Реестра углеродных единиц: Приказ Минприроды РФ от 07.05.2007 № 121, Минэкономразвития РФ № 148 // Российская газета. № 195. 05.09.2007.

³ Российский реестр углеродных единиц: оф. сайт. <http://www.carbonunitsregistry.ru> (дата обращения: 20.08.2024).

В декабре 2012 г. в Дохе завершилась Всемирная климатическая конференция ООН, на которой должна была решиться судьба второго периода действия Киотского протокола. Обсуждение всех недостатков Протокола, а в особенности отсутствия обязательств для развивающихся стран и неэффективности системы квот в силу огромного перевеса предложения относительно спроса, определили тот факт, что обязательства во втором периоде готовы были взять на себя всего около 35 стран. Россия отказалась от участия во втором периоде действия Киотского протокола. В официальном заявлении МИД РФ сообщалось, что Россия считает продление Киотского протокола в его существующем виде неэффективным. При этом РФ продолжала участвовать в мероприятиях в рамках Рамочной конвенции, в частности представляла в ООН национальные данные об объеме выбросов.

Формирование климатического права РФ на основе Парижского соглашения

Парижское соглашение было принято нашей страной с рядом заявлений, среди которых признание важности лесов в сокращении парниковых газов и неприемлемость использования механизмов договора для создания препятствий развитию сотрудничества между сторонами Соглашения.

25 ноября 2020 г. Россия направила первое сообщение об определяемом на национальном уровне вкладе, согласно которому обязалась к 2030 г. сократить выбросы парниковых газов до 70% от уровня 1990 г.

Помимо этого, страна заявила о намерении продолжать оказывать добровольное содействие развивающимся странам, несмотря на то, что Россия не включена в список стран в Приложении II к Конвенции. Здесь были упомянуты климатические проекты, активно осуществляемые в рамках таких объединений, как СНГ, БРИКС и АСЕАН. Также было отмечено желание и дальше оказывать другим странам содействие в ликвидации последствий стихийных бедствий, а также финансировать различные институты устойчивого развития, такие как Зеленый климатический фонд и др. Отдельно отмечалось способствование использованию развивающимися странами мирной атомной энергии как альтернативного источника энергии и подготовка высококвалифицированных специалистов в области гидрологии, климатологии, океанографии и метеорологии.

В области политики по сокращению антропогенной нагрузки РФ особенно отметила меры по повышению энергоэффективности во всех отраслях экономики, по использованию возобновляемых и нетопливных ресурсов, по защите и улучшению естественных поглотителей парниковых газов (в первую очередь лесов), а также по использованию фискальных и финансовых инструментов, позволяющих снизить эмиссию парниковых газов¹.

¹ Определяемый на национальном уровне вклад Российской Федерации в рамках реализации Парижского соглашения от 12 декабря 2015 года // United Nations Climate Change. https://www4.unfccc.int/sites/ndcstaging/PublishedDocuments/Russia%20First/NDC_RF_ru.pdf (дата обращения: 01.12.2024).

После присоединения к Парижскому соглашению в стране началась работа по созданию нормативно-правовой и методической основы деятельности по охране климата¹. И если в период с 2015 по 2020 г. эта работа весьма неспешно велась только на ведомственном уровне, то в 2021 г. ситуация меняется в сторону более активных и результативных шагов высших органов государственной власти.

Как представляется, к этому подталкивают не только и не столько осознание внутренних угроз, связанных с глобальным потеплением, четко названных в Климатической доктрине РФ, но и внешние факторы, связанные с продвижением довольно агрессивной климатической политики Европейского Союза — одного из крупнейших торговых партнеров России в тот период. В 2019 г. ЕС заявил об установлении новой стратегической цели — достичь углеродной нейтральности к 2050 г. (The European Green Deal), осенью 2020 г. были достигнуты договоренности финансирования Европейского инвестиционного плана «Зеленая сделка» (European Green Deal Investment Plan (COM (2020) 21 final of 14 January 2020)). Для России наиболее значимыми явились заявленные в The European Green Deal планы ЕС по сокращению импорта угля, нефти и природного газа, а также введению пограничного углеродного налога (border carbon tax), призванного компенсировать расходы европейских производителей по снижению выбросов. Предлагается его устанавливать в зависимости от углеродоемкости продукции и удельного веса ее внешне-торговой составляющей в продажах на рынке ЕС. Потери российских экспортеров от введения этого налога оценивались экспертами в 3–5 млрд долл. в год [Пискулова, 2021].

Призывы Генерального секретаря ООН Антонио Гуттериша, обращенные к государствам, компаниям и местным сообществам, предпринять большие усилия в стремлении достичь «углеродного нуля» не остаются без ответа. На Климатическом саммите 21–22 апреля 2021 г. лидеры ведущих экономик мира заявляют о новых амбициозных целях по снижению выбросов парниковых газов; в целом около 50 стран в мире ставят стратегическую цель достичь углеродной нейтральности к 2050 или 2060 гг.

Политические амбиции государств в этом вопросе подкрепляются стратегическими инициативами компаний. Крупнейшие нефтегазовые компании, такие как Repsol, BP, Equinor, Eni, Shell, Total, берут на себя добровольные климатические обязательства достичь нулевого баланса выбросов от своей деятельности (Net zero emissions). Особенностью активности этих компаний является то, что их стратегии распространяются не только на эмиссии парниковых газов, непосредственно связанные с добычей и транспортировкой углеводородов (так называемые Категории охвата выбросов 1 и 2; Score 1, 2), но и на приходящиеся на потребление (сжигание) нефти, газа и их производных (Категория 3) путем инвестирования в низкоуглеродную «зеленую» энергетику. Таким образом, активно идет процесс трансформации нефтегазовых компаний в многопрофильные энергетические компании [Сидорович, 2021]. О своей приверженности политике углеродной нейтральности заявляет ряд крупнейших компаний других

¹ Об утверждении Концепции формирования системы мониторинга, отчетности и проверки объема выбросов парниковых газов в Российской Федерации: Распоряжение Правительства РФ от 22.04.2015 № 716-р // Собрание законодательства РФ. 2015. № 18. Ст. 2737.

секторов экономики, таких как Delta, Microsoft, Amazon, PepsiCo, Nestle, Apple. Более 300 компаний по всему миру присоединились к глобальной инициативе RE 100 по переходу на 100% возобновляемые источники энергии¹.

Россия не может игнорировать этот новый мировой тренд. 21 апреля 2021 г. в своем Ежегодном послании Федеральному Собранию Президент РФ В. В. Путин заявил о необходимости «ответить на вызовы изменений климата, адаптировать к ним сельское хозяйство, промышленность, ЖКХ, всю инфраструктуру, создать отрасль по утилизации углеродных выбросов, добиться снижения их объемов и ввести здесь жесткий контроль и мониторинг. За предстоящие 30 лет накопленный объем чистой эмиссии парниковых газов в России должен быть меньше, чем в Евросоюзе»². По итогам Послания Правительству РФ было поручено при разработке Стратегии социально-экономического развития РФ с низким уровнем выбросов парниковых газов до 2050 года предусмотреть сокращение накопленного с 2021 по 2050 г. объема чистой эмиссии парниковых газов в РФ до более низких значений по сравнению с показателями Европейского Союза³.

Осенью 2021 г. такая Стратегия была принята⁴. Цели снижения выбросов парниковых газов и адаптации к изменениям климата находят свое отражение в ряде других стратегических документов РФ⁵. В 2023 г. была обновлена Климатическая доктрина РФ, в которой впервые был официально определен срок достижения углеродной нейтральности к 2060 г.⁶

В достаточно короткий срок была сформированы правовые рамки национального климатического регулирования. Его основу составили два федеральных закона: «Об ограничении выбросов парниковых газов»⁷ и «О проведении эксперимента

¹ Climate group RE 100: оф.сайт. <https://www.there100.org> (дата обращения: 01.12.2024).

² Послание Президента к Федеральному Собранию. 2021 // Президент России: оф. сайт. <http://www.kremlin.ru/events/president/news/65418> (дата обращения: 01.12.2024).

³ Перечень поручений по реализации Послания Президента Федеральному Собранию. 2021 // Президент России: оф. сайт. <http://kremlin.ru/acts/assignments/orders/65524> (дата обращения: 01.12.2024).

⁴ Об утверждении стратегии социально-экономического развития Российской Федерации с низким уровнем выбросов парниковых газов до 2050 года: Распоряжение Правительства РФ от 29.10.2021 № 3052-р // Собрание законодательства РФ. 2021. № 45. Ст. 7556.

⁵ О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации: Указ Президента РФ от 02.07.2021 № 400 // Собрание законодательства РФ. 2021. № 27 (ч. II). Ст. 5351; О Стратегии развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности на период до 2035 года: Указ Президента РФ от 26.10.2020 № 645 (ред. от 27.02.2023) // Собрание законодательства РФ. 2020. № 44. Ст. 6970; О Стратегии экологической безопасности Российской Федерации на период до 2025 года: Указ Президента РФ от 19.04.2017 № 176 // Собрание законодательства РФ. 2017. № 7. Ст. 2546.

⁶ Об утверждении Климатической доктрины Российской Федерации: Указ Президента РФ от 26.10.2023 № 812 // Собрание законодательства РФ. 2023. № 44. Ст. 7865.

⁷ Об ограничении выбросов парниковых газов: Федеральный закон от 02.07.2021 № 296-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2021. № 27 (ч. I). Ст. 5124.

по ограничению выбросов парниковых газов в отдельных субъектах Российской Федерации»¹. Последний должен обеспечить запуск пилотного проекта системы торговли выбросами в Сахалинской области (другие субъекты РФ могут в дальнейшем присоединиться к эксперименту). В развитие указанных законов было принято порядка трех десятков подзаконных нормативных правовых актов. Итогом этой работы стало:

- введение новой, ранее не знакомой российскому праву терминологии;
- определение регулируемых секторов экономики;
- определение круга компаний, подпадающих под действие климатического регулирования (регулируемых организаций);
- введение обязательной углеродной отчетности;
- создание Кадастра антропогенных выбросов из источников и абсорбции поглотителями парниковых газов;
- создание Реестра выбросов парниковых газов;
- создание Реестра углеродных единиц, введение возможности их обращения и зачета;
- определение требований к климатическим проектам;
- утверждение формы и порядка представления отчета о реализации климатических проектов, правил верификации результатов их реализации.

Ключевым и пока нерешенным вопросом остается установление целевых показателей сокращения выбросов парниковых газов для отраслей экономики. Правительство РФ, к чьим полномочиям отнесен это вопрос, пока их не утвердило. Можно предположить, что для их обоснования недостаточна имеющаяся информационная база об источниках, количестве и структуре выбросов парниковых газов. И. И. Леонова отмечает, что, несмотря на предпринимаемые усилия, до сегодняшнего дня организовать систему мониторинга и отчетности выбросов парниковых газов, которая давала бы достоверную информацию, так и не удалось. Сведения же, которые использует Росгидромет для ежегодной оценки антропогенных выбросов из источников и абсорбции поглотителями парниковых газов и ведения соответствующего кадастра, в т. ч. для представления отчетности согласно РКИК ООН, не отвечают целям климатического регулирования. Для этих целей используются данные государственной статистической отчетности, которая содержит агрегированные данные и характеризуется двухлетним запаздыванием [Леонова, 2022]. Можно ожидать, что данный недостаток будет восполнен, нормативно-правовая основа для этого уже создана.

Следует отметить, что сами по себе целевые показатели не порождают для регулируемых организаций юридические обязанности по сокращению выбросов парниковых газов, этой цели служит система квотирования, которая базовым климатическим законом не предусмотрена. Если рассматривать Федеральный закон о Сахалинском экспери-

¹ О проведении эксперимента по ограничению выбросов парниковых газов в отдельных субъектах Российской Федерации: Федеральный закон от 06.03.2022 № 34-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2022. № 10. Ст. 1391.

менте, то и в нем установленные квоты не являются императивными, т. к. их превышение компенсируется внесением денежной платы [Гершинков, Матненко, 2023]. Насколько эффективен будет данный инструмент, заимствованный из экологического законодательства, будет понятно только после завершения эксперимента в 2028 г.

Перспективным направлением развития российского климатического законодательства является регулирование деятельности по адаптации к изменениям климата, которая, как было указано выше, признана Парижским соглашением важнейшей задачей государств. К настоящему моменту органы государственной власти разработали и приняли федеральные и отраслевые планы адаптации к изменениям климата.

Так, в 2019 г. был утвержден Национальный план мероприятий первого этапа адаптации к изменениям климата до 2022 года¹. Планом была предусмотрена система адаптации к климатическим изменениям, установлены некоторые меры по смягчению последствий для людей, экономики и природных объектов. Среди них — оценка эффективности нормативного регулирования мер по адаптации к климатическим изменениям; создание методических рекомендаций по оценке воздействия климата на инфраструктуру, экономику и население; создание перечня финансовых инструментов, повышающих эффективность мер адаптации; оценка эффективности мер первого этапа национального плана; развитие сети мониторинга климата для заинтересованного населения и другие.

В 2023 г. был принят Национальный план действий второго этапа адаптации к изменениям климата на период до 2025 года². План предполагает 17 мероприятий, разделенных на блоки — федеральный, отраслевой и региональный. Документ предусматривает проведение анализа необходимости внедрения изменений в страховое законодательство в условиях изменения климата; формирование перечня программ высшего образования в сфере климатических изменений (в т. ч. изменений, отражающихся на экономике); формирование перечня наиболее положительных результатов по адаптации к климатическим изменениям в российской и международной практике; создание методических рекомендаций оценки возможного ущерба от изменений климата; создание ресурса, предусматривающего сценарии изменений климата в России, создание перечня субъектов РФ, наиболее подверженных возникновению негативных последствий от климата; внедрение технологических решений и другое.

На отраслевом уровне к настоящему времени профильными ведомствами разработан ряд планов адаптации к изменениям климата³.

¹ Об утверждении национального плана мероприятий первого этапа адаптации к изменениям климата на период до 2022 года: Распоряжение Правительства РФ от 25.12.2019 № 3183-р // Собрание законодательства РФ. 2020. № 1 (ч. 2). Ст. 115.

² Об утверждении национального плана мероприятий второго этапа адаптации к изменениям климата на период до 2025 года: Распоряжение Правительства РФ от 11.03.2023 № 559-р // Собрание законодательства РФ. 2023. № 12. Ст. 2055.

³ Об утверждении Плана адаптации к изменениям климата в сфере природопользования: Распоряжение Минприроды России от 30.09.2021 № 38-р // СПС «КонсультантПлюс»; Об утверждении Плана адаптации к изменениям климата Арктической зоны Российской

Таким образом, можно констатировать, что фактическая деятельность в области адаптации к изменениям климата в нашей стране начата. Однако отсутствуют ее правовые рамки. Очевидно, что само по себе принятие органами государственной власти планов мероприятий в этой области не может создать систему прав и обязанностей для субъектов хозяйственной деятельности.

Заключение

Подводя итоги, можно констатировать, что первоначальная основа для национального климатического регулирования в России создана. Несмотря на сложности политического и экономического характера, связанные с проведением Специальной военной операции, санкционное давление, Россия не намерена сворачивать с пути к углеродной нейтральности. Вместе с тем очевидно, что принятый Федеральный закон «Об ограничении выбросов парниковых газов» пока лишь задает правовые рамки в указанной сфере, и детально регламентирует лишь некоторые административно-правовые инструменты сокращения выбросов парниковых газов. Вне правового поля пока остаются вопросы адаптации к изменениям климата, фактически осуществляемая на основании Парижского соглашения деятельность органов государственной власти по разработке и реализации адаптационных планов должна получить свое правовое оформление.

Список источников

- Васильева Г. М. 2019. Киотский протокол в глобальном историческом контексте // Вестник Томского государственного университета. № 439. С. 120–127.
- Графова Д. И. 2018. Новеллы Парижского соглашения по климату 2015 г.: анализ механизмов осуществления // Электронное приложение к Российскому юридическому журналу. № 3. С. 24–32.
- Гершинова Д. А., Матненко А. С. 2023. Методы и формы административно-правового регулирования выбросов парниковых газов // Экологическое право. № 6. С. 6–9.

Федерации: Приказ Минвостокразвития России от 26.11.2021 № 221 // СПС «КонсультантПлюс»; Об утверждении отраслевого плана адаптации к изменениям климата в сфере промышленного комплекса и внешней торговли: Приказ Минпромторга России от 24.12.2021 № 5357 // СПС «КонсультантПлюс»; Об утверждении плана адаптации к изменениям климата в сферах строительства, теплоснабжения, водоснабжения и водоотведения Российской Федерации: Приказ Минстроя России от 15.10.2021 № 754 // СПС «КонсультантПлюс»; Об утверждении отраслевого плана адаптации к изменениям климата в области гражданской обороны, защиты населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера: Приказ МЧС России от 19.10.202 № 706: 1 // СПС «КонсультантПлюс»; Об утверждении Плана адаптации к изменениям климата в области транспорта: Приказ Минтранса России от 02.03.2022 № 69 // СПС «КонсультантПлюс»; Об утверждении отраслевого плана адаптации к изменениям климата в сфере агропромышленного комплекса, в области рыболовства на период до 2025 года: Распоряжение Минсельхоза России от 29.02.2024 № 18-р // СПС «КонсультантПлюс».

- Кокорин А. О. 2017. Изменения климата как основа Парижского соглашения // Энергетическая политика. № 4. С. 37–47.
- Кокорин А. О., Липка О. Н., Суляндзига Р. В. 2015. Изменение климата. Глоссарий терминов, используемых в работе РКИК ООН. WWF России¹. М. 95 с.
- Леонова И. И. 2022. Становление и развитие правового регулирования охраны климата в России // Экологическое право. № 3. С. 17–21.
- Леонова И. И. 2024. Правовое регулирование реализации климатических проектов в России // Журнал российского права. № 3. С. 156–170.
- Макаров И. А., Степанов И. А. 2018. Парижское соглашение по климату: влияние на мировую энергетику и вызовы для России // Актуальные проблемы Европы. № 1. С. 77–97.
- Пёртнер Х.-О., Робертс Д. К., Тиньор М., Полочанска Э. С., Минтенбек К., Алегрия А., Крейг М., Лангсдорф С., Лёшке С., Мёллер В., Окем А., Рама Б. (ред.). 2023. Изменение климата 2022: последствия, адаптация и уязвимость. Вклад Рабочей группы II в шестой оценочный доклад Межправительственной группы экспертов по изменению климата. Кембридж: Изд-во Кембриджского ун-та. 3056 с. <https://doi.org/10.1017/9781009325844> (дата обращения: 17.05.2024).
- Пискулова Н. 2021. «Зеленая сделка»: риски и возможности для ЕС и России // Эксперт. 21 апреля. <https://expert.ru/2021/04/14/zelenaya-sdelka-riski-i-vozmozhnosti-dlya-yes-i-rossii/> (дата обращения: 01.12.2024).
- Сидорович В. 2021. Декарбонизация нефтегазовой отрасли третьей категории // RenEn: оф. сайт. 21 марта. <https://renen.ru/dekarbonizatsiya-neftegazovoj-otrasli-tretej-kategorii/> (дата обращения: 01.12.2024).
- Юлкин М. А., Дьячков В. А., Самородов А. В., Кокорин А. О. 2013. Добровольные системы и стандарты снижения выбросов парниковых газов. М.: Всемирный фонд дикой природы (WWF)². 100 с.
- Ashe T., Poberezhskaya M. 2022. Russian climate scepticism: an understudied case // Climatic Change. Vol. 172. Article 41. <https://doi.org/10.1007/s10584-022-03390-3> (дата обращения: 16.06.2024).
- Boyd W. 2021. The poverty of theory: public problems, instrument choice, and the climate emergency // Columbia Journal of Environmental Law. No. 46. Pp. 399–487.
- Carlson A. E. 2012. Designing effective climate policy: cap-and-trade and complementary policies // Harvard Journal on Legislation. Vol. 49. No. 2. Pp. 207–248.
- Cho S. J. 2014. Legal and policy implications on the post-Kyoto Protocol system: a Korean lawyer's viewpoint // Journal of East Asia and International Law. Vol. 7. No. 2. Pp. 477–491.
- Das K., Asselt H., Droege S., Mehling M. 2019. Making the International Trade System work for Paris Agreement: assessing the options // Environmental Law Reporter. No. 49. Pp. 10553–10580.
- Fischer C., Newell R. G. 2008. Environmental and technology policies for climate mitigation // Journal of Environmental Economics and Management. No. 55 (2). Pp. 62–142.

¹ Признан иностранным агентом.

² Признан иностранным агентом.

- Hourcade J. C., Shukla C. R., Cassen C. 2015. Climate policy architecture for the Cancun paradigm shift: building on the lessons from history // *International Environmental Agreements-Politics Law and Economics*. Vol. 15. No. 4. Pp. 353–367.
- Lancos C. L. 2010. Flexibility and legitimacy — the Emissions Trading System under the Kyoto Protocol // *Exercise of Public Authority by International Institutions: Advancing International Institutional Law* / A. Von Bogdandy (ed.). Pp. 271–299.
- McGee J., Steffek J. 2016. The Copenhagen Turn in global climate governance and the contentious history of differentiation in international law // *Journal of Environmental Law*. Vol. 28. No. 1. Pp. 37–63.
- Mehling M. A. 2019. Governing cooperative approaches under the Paris Agreement // *Ecology Law Quarterly*. No. 46. Pp. 765–827.
- Mejean A., Lecocq F., Mulugetta Y. 2015. Equity, burden sharing and development pathways: reframing international climate negotiations // *International Environmental Agreements-Politics Law and Economics*. Vol. 15. No. 4. Pp. 387–402.
- Skjaereth J. B., Wettstad J. 2008. Implementing EU emissions trading: success or failure? // *International Environmental Agreements-Politics Law and Economics*. Vol. 8. No. 3. Pp. 275–290.
- Winter G. 2010. The climate is no commodity: taking stock of the Emissions Trading System // *Journal of Environmental Law*. Vol. 22. No. 1. Pp. 1–25.
- Yeh J.-R., Lin Ch.-Y. 2018. The Paris Agreement and the Transformation of Global Climate Law: Taiwan's Perspective // *National Taiwan University Law Review*. No. 13. Pp. 149–182.

References

- Vasileva, G. M. (2019). The Kyoto Protocol in a Global Historical Context. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*, (439), 120–127. [In Russian]
- Garafova, D. I. (2018). What's new in the 2015 Paris Climate Agreement: an analysis of implementation mechanisms. *Elektronnoe prilozhenie k Rossiyskomu yuridicheskomu zhurnalu*, (3), 24–32. [In Russian]
- Gershinkova, D. A., & Matnenko, A. S. (2023). Methods and forms of administrative and legal regulation of greenhouse gas emissions. *Ekologicheskoe pravo*, (6), 6–9. [In Russian]
- Kokorin, A. O. (2017). Climate change as the basis of the Paris Agreement. *Energeticheskaya politika*, (4), 37–47. [In Russian]
- Kokorin, A. O., Lipka, O. N., & Sulyandziga, R. V. (2015). *Climate Change. Glossary of Terms Used in the Work of the UNFCCC*. WWF Russia¹. [In Russian]
- Leonova, I. I. (2022). Formation and development of legal regulation of climate protection in Russia. *Ekologicheskoe pravo*, (3), 17–21. [In Russian]
- Leonova, I. I. (2024). Legal regulation of the implementation of climate projects in Russia. *Zhurnal rossiyskogo prava*, (3), 156–170. [In Russian]
- Makarov, I. A., & Stepanov, I. A. (2018). Paris Climate Agreement: Impact on Global Energy and Challenges for Russia. *Aktualnye problem Evropy*, (1), 77–97. [In Russian]

¹ Recognized as a foreign agent.

- IPCC (Jun. 2023). *Climate Change 2022: Impacts, Adaptation, and Vulnerability: Working Group II Contribution to the Sixth Assessment Report of the Intergovernmental Panel on Climate Change* (H.-O. Pörtner, D. C. Roberts, M. Tignor, E. S. Poloczanska, K. Mintenbeck, A. Alegria, M. Craig, S. Langsdorf, S. Löschke, V. Möller, A. Okem, B. Rama, Eds.). Cambridge University Press. <https://doi.org/10.1017/9781009325844>
- Piskulova, N. (Apr. 21, 2021). Green Deal: Risks and Opportunities for the EU and Russia. *Expert*. <https://expert.ru/2021/04/14/zelenaya-sdelka-riski-i-vozmozhnosti-dlya-yes-i-rossii/> [In Russian]
- Sidorovich, V. (Mar. 21, 2021). Decarbonization of the oil and gas industry of the third category. *RenEn*. <https://renen.ru/dekarbonizatsiya-neftegazovoj-otrasli-tretej-kategorii/> [In Russian]
- Yulkin, M. A., D'yachkov, V. A., Samorodov, A. V., & Kokorin, A. O. (2013). *Voluntary Systems and Standards for Reducing Greenhouse Gas Emissions*. WWF¹. [In Russian]
- Ashe, T., & Poberezhskaya, M. (2022). Russian climate scepticism: an understudied case. *Climatic Change*, 172, Article 41. <https://doi.org/10.1007/s10584-022-03390-3/>
- Boyd, W. (2021). The poverty of theory: public problems, instrument choice, and the climate emergency. *Columbia Journal of Environmental Law*, (46), 399–487.
- Carlson, A. E. (2012). Designing effective climate policy: cap-and-trade and complementary policies. *Harvard Journal on Legislation*, 49(2), 207–248.
- Cho, S. J. (2014). Legal and policy implications on the Post-Kyoto Protocol system: a Korean lawyer's viewpoint. *Journal of East Asia and International Law*, 7(2), 477–491.
- Das, K., Asselt, H., Droege, S., & Mehling, M. (2019). Making the international trade system work for Paris Agreement: assessing the options. *Environmental Law Reporter*, (49), 10553–10580.
- Fischer, C., & Newell, R. G. (2008). Environmental and technology policies for climate mitigation. *Journal of Environmental Economics and Management*, 55(2), 62–142.
- Hourcade, J. C., Shukla, C. R., & Cassen, C. (2015). Climate policy architecture for the Cancun paradigm shift: building on the lessons from history. *International Environmental Agreements-Politics Law and Economics*, 15(4), 353–367.
- Lancos, C. L. (2010). Flexibility and legitimacy — the emissions trading system under the Kyoto Protocol. In A. C. Von Bogdandy *Exercise of Public Authority by International Institutions: Advancing International Institutional Law* (pp. 271–299).
- McGee, J., & Steffek, J. (2016). The Copenhagen turn in global climate governance and the contentious history of differentiation in international law. *Journal of Environmental Law*, 28(1), 37–63.
- Mehling, M. A. (2019). Governing cooperative approaches under the Paris Agreement. *Ecology Law Quarterly*, (46), 765–827.
- Mejean, A., Lecocq, F., & Mulugetta, Y. (2015). Equity, burden sharing and development pathways: reframing international climate negotiations. *International Environmental Agreements-Politics Law and Economics*, 15(4), 387–402.
- Skjaereth, J. B., & Wettestad, J. (2008). Implementing EU emissions trading: success or failure? *International Environmental Agreements-Politics Law and Economics*, 8(3), 275–290.

¹ Recognized as a foreign agent.

- Winter, G. (2010). The climate is no commodity: taking stock of the emissions trading system. *Journal of Environmental Law*, 22(1), 1–25.
- Yeh, J.-R., & Lin, Ch.-Y. (2018). The Paris Agreement and the transformation of global climate law: Taiwan's perspective. *National Taiwan University Law Review*, (13), 149–182.

Информация об авторе

Наталья Владимировна Данилова, кандидат юридических наук, доцент, Институт государства и права, Тюменский карбоновый полигон (FEWZ-2024-0016), Тюменский государственный университет, Тюмень, Россия
n.v.danilova@utmn.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6037-9468>

Information about the author

Natalia V. Danilova, Cand. Sci. (Jur.), Associate Professor, Institute of State and Law, Carbon Measurement Test Area in Tyumen' Region (FEWZ-2024-0016), University of Tyumen, Tyumen, Russia
n.v.danilova@utmn.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6037-9468>